

СЪ РОДИНЫ РУССКАГО ТЕАТРА.

1900. II. № 8695.
ЯРОСЛАВЛЬ, 9-го мая.

Первый день Волковского юбилея начался очень рано и — как подобает здешнему богомольному народу — в церкви Екатерининского дома призыва близняго торжественнымъ богослужениемъ въ присутствіи всѣхъ властей, артистовъ обѣихъ столицъ, представителей печати, депутатовъ и множества народа. Послѣ панихиды состоялся завтракъ и затѣмъ торжественное засѣданіе Ярославской архивной комисіи.

Въ большомъ представительномъ залѣ, наполненной народомъ, собрались всѣ гости и почетные посѣтители. На особо устроенной эстрадѣ, за столомъ, помѣстились членны архивной комисіи во главѣ съ губернаторомъ, а въ первыхъ рядахъ кресель — почетные гости. Здѣсь помѣстились директоръ Императорскихъ театровъ князь С. М. Волконскій, управляющій конторой московскихъ театровъ полковникъ Теляковскій, престарѣлая артистка Н. В. Рыкалова, М. Г. Савина, Г. Н. Федотова и др. Ждали маститаго автора «Свадьбы Кречинскаго» А. В. Сухова-Кобылина, уроженца и помѣщика Ярославской губерніи, нарочно приѣхавшаго для Волковскихъ торжествъ съ юга Франціи. Наконецъ онъ появился, сопровождаемый своей дочерью, и помѣстился въ первомъ ряду рядомъ съ г-жей Савиной.

Собраніе открылось рѣчью губернатора, приветствовавшаго гостей и въ краткихъ словахъ опредѣлившаго значеніе настоящаго торжества. Вслѣдъ за нимъ на эстрадѣ появился князь С. М. Волконскій. Въ своей рѣчи онъ опредѣлялъ сущность драматическаго искусства и его положеніе среди остальныхъ искусствъ. Онъ говорилъ не только о себѣ, но и какъ бы отъ имени сдѣвшихъ здѣсь авторовъ: «Сегодняшній праздникъ на нашей улицѣ: мы празднуемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ насъ празднуютъ». Далѣе удачно переходя къ розданной всѣмъ гостямъ биографіи Волкова, кн. Волконскій сказалъ: «Въ этой биографіи мы читаемъ, что ярославцы приглашались въ Волковскій амбаръ посмотреть «нѣкое лицедѣйство, крайне диковинное и до того времени въ Ярославль невиданное» — нынѣ ярославцы приглашаютъ насъ посмотреть нѣкое лицедѣйство, крайне диковинное и до сего времени въ Россіи невиданное». Князь Волконскій закончилъ свою рѣчь, опредѣливъ значеніе юбилейныхъ торжествъ въ томъ смыслѣ, что они отмѣчаютъ моменты въ раз-

витіи общественнаго самосознанія. «Откуда мы вышли, мы, собравшеся здѣсь? — сказалъ онъ. — Отсюда, изъ Ярославля, изъ этой колыбели, къ которой притягли сегодня со всѣхъ концовъ нашей земли. Гдѣ мы? До чего дошли? Увидимъ сегодня вечеромъ и въ слѣдующіе вечера: лучшія силы родного намъ искусства покажутъ намъ, до чего мы дошли и, думаю, что тѣни Волкова, Гоголя, Грибоедова и Островскаго не смутятся; не смутится и сердце маститаго писателя, который «для береговъ отчизны дальней покинулъ край чужой», чтобы своимъ присутствіемъ украсить наше собраніе». При этихъ словахъ кн. Волконскій указалъ на А. В. Сухова-Кобылина, вся публика вся встала и устроила маститому драматургу восторженную овацію.

Князь Волконскій продолжалъ:

«Куда мы идемъ? Будущее всегда подернуто мракомъ, но неисповѣдимыя глубины его озаряются свѣтломъ надежды, когда прошлое свѣтло. А наше прошлое полно ивлоній, внушающихъ силу и крѣпость для продолженія работы. Первое столѣтіе русскаго театра совпадало съ самой блестящей порой русской сцены. Искусство, которое во сто лѣтъ времени свершило путь отъ Волкова до Щенкиныхъ, Мочаловыхъ, Садовскихъ, обладаетъ сильными задатками бодрости и здоровья. Не дадимъ же этимъ задаткамъ зачахнуть, поставимъ ихъ въ условія благоприятныя для ихъ развитія: всякое дѣліе въ этомъ направленіи будетъ обезпеченіемъ будущаго, данью уваженія искусству, вѣчнымъ вкладомъ въ духовный памятникъ того скромнаго, но великаго мужа, котораго мы сегодня чествуемъ»...

Вслѣдъ затѣмъ губернаторъ прочелъ телеграммы, полученныя отъ великаго князя Сергія Александровича, Жюль Кларес и графини Уваровой. На трибунѣ появилась сухошавая тщедушная фигурка ярославскаго поэта Л. Н. Трефолева. Онъ выпрямился, окинулъ всю аудиторію общимъ взглядомъ и началъ:

Собрались въ избѣ ребятушки,
Къ нимъ пришелъ учитель-дѣдъ
И сказалъ имъ: «Волги-матушки
Лучше не было и нѣтъ!»

Далѣе воспѣвалась Волга за ея просторъ, за то, что она «возвеличила ничтожество, утопила суету, напояла и убожество, накормила нищету» и дала намъ Федора Волкова:

Онъ сарай построилъ — зданіе
Не богатое, но въ немъ
Все слилось: тоска, рыданіе,
Страсть, горящая огнемъ,
Смѣхъ сквозь слезы, смѣхъ карающій,
Искры счастья, море слезъ...
Это все неумирающій
Федоръ Волковъ намъ принесъ..

Когда г. Трефолевъ началъ перечислять всѣхъ корифеевъ русской сцены, онъ, подобно князю Волконскому, указалъ на сдѣвшаго передъ трибуной А. В. Сухова-Кобылина и воскликнулъ:

Мы судьбой не обезсилены...
Не забудьте дѣтвора:
Живы Сухова-Кобылины —
Ихъ почитать давно пора!..

Новыя оваціи по адресу маститаго драматурга и бурныя аплодисменты находчивому поэту...

Послѣ г. Трефолева г. Полуярославцевъ (какая однако дробная фамилія!) читалъ биографію Волкова, хоръ воспитанницъ Екатерининскаго дома пропѣлъ юбилейную кантату на слова Т. Л. Щенкиной-Куперникъ (музыка А. Ю. Симона), при чемъ солистами были артисты московской оперы — г-жа Дейша-Сюницкая и г. Собиновъ.

Затѣмъ говорилъ князь Сумбатовъ (Южинъ), продекларировавшій свою рѣчь съ большимъ паэосомъ. Тутъ были и «историческій укладъ русскаго народа», и «плескъ волнъ», и «соловьиная пѣнь», и какія-то «Мочаловскія плиты» — рѣчь, напоминающая трескучій фейерверкъ и раздѣленная на отдѣльные кушеты, изъ которыхъ каждый кончался стихомъ изъ «Воеводы» Островскаго:

Объ этомъ я надъ Волгой думу думалъ
И съ соловьями рѣчи говорюль...

Собраніе закончилось прекрасной рѣчью директора Демидовскаго лицея С. М. Шилевскаго «О значеніи чествованія памяти основателя русскаго театра». Вотъ настоящій ораторъ, владѣющій старымъ секретомъ искусства говорить! Рѣчь г. Шилевскаго была полна содержания, достоинства и благороднаго паэсса. Увы, такъ уже не говорятъ у насъ и быть-можетъ представители прежней изящной манеры краснорѣчія доживающъ свой вѣкъ только въ Ярославлѣ!..

Послѣ засѣданія въ зданіи архивной комисіи открылась Волковская выставка, но о ней въ слѣдующій разъ. Вечеромъ въ городскомъ театрѣ состоялся парадный спектакль. Шелъ «Ревизоръ», разыгранный артистами нашей Александринской сцены. Какъ играютъ они безсмертную комедію Гоголя, — вы конечно знаете. Мнѣ однако показалось, что въ этотъ вечеръ всѣ исполнители, какъ говорится, не владѣли тономъ. Быть-можетъ торжественная обстановка спектакля слишкомъ взволновала ихъ, быть-можетъ... но впрочемъ это дѣло случайности. Гораздо солиднѣе и дружиѣ играли депутаты, приносившіе вѣнки къ подножію бюста Волкова. Ихъ было около двадцати, при чемъ каждый говорилъ краткое слово, сопровождаемое еще болѣе краткимъ жестомъ по направленію къ суфлерской будкѣ. Странное впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ какой-то молодой человекъ, отрекомендовавшійся депутатомъ Московскаго художественно-общедоступнаго театра. Молодой человекъ изложилъ личныя соображенія по поводу народнаго театра и въ заключеніе даже весьма игриво подмигнулъ публикѣ.

Въ заключеніе Волкову пропѣли «славу», а послѣ спектакля въ зданіи городской думы чествовали раутомъ благополучно здравствующихъ «питомцевъ Мельпомены»...

Юр. Вѣляевъ.